

С другой стороны, издание имеет полноценный научно-справочный аппарат, который включает библиографию и ссылки на упоминаемую или цитируемую литературу, а также список иллюстраций. В конце книги имеются аннотации на английском и немецком языках. Поэтому, подводя итог, приходится указать на имеющееся противоречие между не свойственной для научного издания структурой работы и ее определением как монографии. В остальном же она производит впечатление важного и актуального исследования, которое должно занять достойное место в ряду религиоведческой и искусствоведческой литературы, посвященной современной культуре старообрядцев.

Е. В. Карпукова (МГУ)

Рецензия на: Другое измерение. Смерть и загробная жизнь в христианском искусстве: The Alternate Dimension. Death and Afterlife in Christian Art [Каталог выставки]/ Сост. С. Н. Липатова; Вступит. слово Г. В. Попов; Авторы статей С. Н. Липатова, М. Б. Миндлин, О. Р. Хромов; Науч. ред. Н. И. Комашко. М.: Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. А. Рублёва, 2019. 165 с.: ил.

Каталог представляет собой публикацию экспонатов выставки «Другое измерение. Смерть и загробная жизнь в христианском искусстве», проходившей в стенах Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва с 22 ноября 2019 по 26 января 2020. Хотя уже прошло более года после закрытия выставки и публикации её каталога, хотелось бы отметить её значение именно сейчас: во-первых, год — достаточное время для формирования взвешенной рефлексии, а во-вторых, на наш взгляд, это удачный пример демонстрации предметов культового назначения в музейном пространстве.

С одной стороны, экспозиция, как и каталог, строилась согласно тематическим блокам, что представляется уже давно устоявшимся принципом организации выставочного пространства. Тем не менее, сама по себе тема смерти как события, прирученного культурой, как некоего целостного явления религиозной жизни с устойчивым набором практик, тема «своей смерти», по определению Филиппа

Арьеса¹, ранее не вдохновляла кураторов на создание крупных выставочных проектов. Мы можем вспомнить разве что меж музейную художественную выставку «Жизнь после жизни»², однако это была именно выставка произведений живописи от XVIII века до современности. В отличие от неё, проект ЦМиАР носит культурологический характер, он вскрывает повседневность русской смерти через анализ предметов, связанных с благочестивыми практиками памятования о смерти; произведений искусства мемориального назначения, а также изображений, иллюстрирующих сакрализацию атрибутов «правильной» смерти, отражающей представлений об идеальной кончине. На выставке было представлено более 100 произведений иконописи, монументальной живописи, декоративно-прикладного искусства и графики: иконы и нравоучительные аллегорические полотна, эпитафии и посмертные портреты, лубки, рукописные Синодики и Апокалипсисы.

Конечно, танатологическая тема в русской культуре обширна и заслуживает более масштабного выставочного и исследовательского проекта. В рамках камерного пространства сложно говорить об отдельных «поджанрах» различных видов искусства, связанных с темой смерти: коммеморативном портрете, погребальных покровах и венчиках и так далее. Впрочем, организаторы проекта и не ставили перед собой масштабных целей³, поэтому можно только поблагодарить их за доброе начинание и выразить надежду, что в будущем состоится более масштабная и фундаментальная ретро-

¹ «Своя смерть» — термин Филиппа Арьеса, отражающий второй этап осмысления смерти в европейской культуре связанный с представлением о личной посмертной участи См.: Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с фр./Общ. ред. Оболенской Св.; Предисл. Гуревича А. Я. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс- Академия», 1992.

² Экспонировалась в Санкт-Петербурге, в Центральном выставочном зале «Манеж» с 9 апреля по 22 мая 2019 года.

³ «Выставка не исчерпывает тему смерти и вечной жизни души в христианском искусстве, но лишь намечает главные ее аспекты. Представленные памятники свидетельствуют о чрезвычайном многообразии связанных с этой темой сюжетов и их композиций» (Липатова С. Н. Выставка «Другое измерение»: человеческая судьба от грехопадения до обретения вечной жизни. Смерть и загробная жизнь в христианском искусстве // Другое измерение... С. 29).

спектива как памятников религиозного искусства как освещающих тему смерти, так и материального наследия русской похоронной культуры с неизменным участием ЦМиАР.

В состав каталога вошли памятники из собраний Государственная Третьяковская галерея, Российской Государственной библиотеки, Егорьевского художественного музея, Собрания икон при поддержке Фонда апостола Андрея Первозванного, Музея Московской Духовной академии «Церковно-Археологический кабинет», а также предметы из частных собраний.

Каталогу предшествуют четыре вступительные статьи. Статья Г. В. Попова даёт краткую ретроспективу наиболее значимых литературных и изобразительных памятников, обращавшихся к теме Страшного Суда. Катализаторами апокалиптических настроений, которыми вдохновлялись их творцы, как правило, становились эпохальные исторические процессы: эпидемии, войны, церковные реформы.

М. Б. Миндлин в своей вступительной статье развивает идею Г. В. Попова об общности основ европейского танатологического дискурса, сформированного христианской доктриной. Автор упоминает снискавший на Западе после эпидемии Чёрной смерти общенародную популярность жанр «пляски смерти» (*danse macabre*) и противопоставленные ему официальной церковной риторикой нравоучительные сочинения с иной интерпретацией темы смерти — «Искусство умирать» (*Ars moriendi*), известной по ряду гравюр и так называемым блокбухами¹. Далее отмечается различие латинского и восточнохристианского образа смерти: «Иконография смерти и образов перехода в иное состояние в нем не только лишена физиологического натурализма, но и поэтически окрашена и весьма разнообразна» (С. 12). В подтверждение этого тезиса приводятся различные иконографические вариации, освещающие типы, виды, обстоятельства смерти, а также различные станции загробного путешествия души. Подобные иллюстрированные «путеводители» по загробному миру приводятся не зря, так

¹ Исследованию темы *Ars moriendi* в изобразительном искусстве было посвящено несколько зарубежных выставок. См., например: *Ars moriendi — the Art of Dying. Exhibition in the Niguliste Museum 2.11.2012–2.06.2013*. Tallinn, 2013.

как каталог знакомит зрителя с экземплярами лицевых синодиков и Апокалипсисов, миниатюры которых красочно передают представления о различных типах желательной и нежелательной для христианина кончины, загробных мытарствах и Страшном Суде.

Статья С. Н. Липатовой интересна кратким обзором развития антропоморфного образа смерти в русском религиозном искусстве. «Ее антропоморфная фигура в ранних памятниках встречается в виде красного бесподобного существа со стоящими дыбом волосами» (С. 18)—в качестве примера автор указывает на две иконы «Сошествия во ад» второй четверти — середины XIV века, происходящие из села Пёлтасы Вологодской области¹. К концу XV века складывается, не без латинского влияния, образ смерти в виде иссохшего мертвеца верхом на коне, а к середине XVI века (как на Четырёхчастной иконе Благовещенского собора Московского Кремля) образ смерти-всадника начинает обрастать атрибутами, представляющими собой, как правило, орудия пыток. С. Н. Липатова также обращает внимание на крайне интересный художественный феномен нравоучительных икон, большая часть которых посвящена теме праведной кончины (иногда антитезе кончины праведника смерти грешника), что перекликается с уже упоминавшийся западноевропейскими циклами «Ars morendi». «К редким памятникам относятся парные иконы, иллюстрирующие нравоучительные притчи о скоротечности человеческой жизни — “Царь Птолемей Филадельф познает тщету человеческой жизни” и “Смертный человек, бойся того, кто над тобой” (кат. 64–65)» (С. 23). Несомненной жемчужиной экспозиции стал уникальный посмертный портрет «рабы Божией Анны»—купеческой жены (кат. 80). Это произведение провинциального живописца, созданное в середине 1830-х годов, переносит иконографию «кончины праведника» с почти житийными комментариями о предсмертных предзнаменованиях и ангелами, возносящими душу покойной на небеса, в пространство купеческого портрета (С. 26).

В издание также вошла статья доктора искусствоведения

¹ Там же, ил. 2. Обе в частном собрании. См.: Смирнова Э. С. Иконы Северо-восточной Руси. Середина XIII — середина XIV века. М., 2004. Кат. 26–27. С. 325, 332.

О. Р. Хромова, «Образ смерти в западноевропейской и русской графике», посвященная персонификации смерти в западноевропейской графике и реминисценциям этих иконографических тем в русском искусстве. Автор указывает на сюжетное разнообразие воплощений смерти в произведениях изобразительного искусства: это и образ смерти с атрибутами Кроноса, указывающими на скоротечность земной жизни; и «Пляска смерти», и «Триумф Смерти»¹, и нравоучительная легенда о встрече «трех мертвецов и трех живых». О. Р. Хромов указывает на экспонируемые на выставке образцы европейской графики XVI–XVIII веков: «несколько работ на ... тему Триумфа Смерти. Гравюра Михиля (Мишеля) ван Кокси (1499–1592) является парным изображением к “Триумфу Жизни” (1568). Это аллегорическое произведение, в котором Смерть представлена на колеснице восседающей на троне в тиаре и священных одеждах со всеми присущими ей атрибутами: в руках у нее коса и лук со стрелой. Колесница, запряженная парой лошадей, величественно движется по телам жертв — мертвецов (кат. 27)» (С. 35). На Русь мотивы западноевропейской иконографии смерти пришли поздно — в полной мере об этом можно говорить с XVII столетия. Результатом восприятия западноевропейского иконографического арсенала стали назидательные лубки с сюжетами вроде «Прения Живота со Смертью», сюжетные циклы лицевых синодиков² и Апокалипсисов.

Иллюстративная часть каталога разделена на пять тематических блоков: 1. Искупление первородного греха через смерть Спасителя; 2. Образы смерти и исхода души; 3. Смерть праведника; 4. Святые мощи как свидетельство нетления; 5. Загробный мир и загробное воздаяние. Подобная тематическая рубрикация представляется

¹ Литературной основой этой иконографии служит произведение Петрарки: «В год “черной смерти” 1348 года поэт написал один из триумфов — “Триумф Смерти”, который стал литературной основой новой иконографии»; Хромов О. Р. Образ смерти в западноевропейской и русской графике// Другое измерение... С. 32.

² «Популярное на Руси сочинение «Слово о исходе душ праведных и грешных» преподобного Макария Александрийского, которое вошло в состав синодиков. Иллюстрации из такого синодика также экспонируются на выставке (кат. 46–50)» (С. 37).

нам вполне оправданной и отвечающей пропедевтическим задачам экспозиции, как бы формирующей пространство для первого знакомства с репрезентацией смерти в русском религиозном искусстве. Читатель знакомится с русской похоронной культурой. Авторы каталога напоминают читателю основные положения христианского вероучения, формирующие представление о земной и посмертной участи. В частности, речь идёт о сотериологии — истории человеческого грехопадения и дальнейшего искупления рода человеческого Спасителем через свою смерть. Далее последовательно демонстрируется, как эти догматы преломляются в практиках благочестия: поминовении усопших, почитании праведников и святых мощей, ритуалах погребального цикла.

Таким образом, каталог является важным источником для историков, культурологов и искусствоведов, интересующихся исследованиями по антропологии смерти и философской танатологии. Впрочем, каталог будет интересен и широкому кругу читателей, поскольку человеческой природе свойственен в равной степени как страх перед смертью, так и интерес к ней.

В. А. Голубев (МГУ)